

2018 №6

История российской психологии в лицах: Дайджест

История научной и практической психологии
(к 30-летию второго рождения
практической психологии в СССР и России)
Раздел: Интеграция и междисциплинарность
психологического знания: история и современность

ISSN 2415-7953

ISSN 2415-7953

**Электронный научный журнал
«История российской психологии в
лицах: Дайджест»**

Выпускается 6 раз в год

№ 6 2018

Редакционный совет

Главный редактор:

Костригин Артем Андреевич, старший преподаватель, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина; аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Ответственный секретарь:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; председатель Нижегородского регионального отделения секции истории психологии Российского психологического общества (Россия)

Технический редактор:

Хусяинов Тимур Маратович, магистр социальной работы, менеджер факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ Нижний Новгород; председатель комиссии по качеству образования Факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия)

Художественные редакторы:

Кочетков Дмитрий Игоревич (Россия)

Игошина Юлия Игоревна (Россия)

Editors

Editor-in-chief:

Kostrigin Artem Andreevich, Master (Psychology), Senior Lecturer of Department of Psychology, Kosygin Russian State University; Postgraduate of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

Executive secretary:

Stoyukhina Natalia Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Chairman of Nizhny Novgorod Regional Department of Section of History of Psychology of Russian Psychological Society (Russia)

Technical editor:

Khusyainov Timur Maratovich, Master (Social Work), Manager of Department of Humanities, National Research University "Higher School of Economics Nizhny Novgorod"; Chairman of Commission on Quality of Education, Department of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Postgraduate of Department of Social Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

Art editors:

Kochetkov Dmitry Igorevich (Russia)

Igoshina Yulia Igorevna (Russia)

Редакционная коллегия

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, вице-президент и действительный член Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Морогин Владимир Григорьевич, доктор психологических наук, профессор, действительный член Международной Академии Психологических наук, директор Научно-образовательного центра «Экспериментальная психология личности», профессор кафедры психологии, Медико-психолого-социальный институт ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова» (Россия)

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; председатель Нижегородского регионального отделения секции истории психологии Российского психологического общества (Россия)

Тихонова Элеонора Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Маслов Кирилл Сергеевич, PhD (психология), научный сотрудник, Институт психологии, Таллинский университет (Эстония)

Бакшутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия)

Маджаров Георги Александров, доцент, PhD (Psychology), Великотърновски университет «Св. св. Кирил и Методий» (Болгария)

Проскуликова Лариса Наумовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социальных наук и самоуправления Межрегиональной Академии управления персоналом, лектор Международного института глубинной психологии, докторант сектора философской антропологии ИФ НАНУ (Украина)

Батыршина Альфия Робертовна, кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных наук, информационных технологий и сервиса, Набережночелнинский государственный торгово-технологический институт (Россия)

Белобрыкина Ольга Альфонсовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии, Новосибирский государственный педагогический университет, академик Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека (Россия)

Чупров Леонид Федорович, кандидат психологических наук, профессор РАЕ, Full Member of EuANH, главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Россия)

Вержибок Галина Владиславовна, кандидат психологических наук, член-корреспондент МАН, доцент, доцент кафедры психологии Минского государственного лингвистического университета (Минск, Республика Беларусь)

Чудакова Вера Петровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Института педагогики Национальной Академии педагогических наук Украины; научный корреспондент Института психологии имени Г.С. Костюка Национальной Академии педагогических наук Украины (Украина)

Сагайдак Александр Николаевич, кандидат психологических наук, руководитель Ассоциации глубинной психологии «Теурунг» (Украина)

Editorial Board

Mazilov Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Vice-President and Full Member of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Head of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

Morogin Vladimir Grogorievich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Full Member of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Director of Research and Education Center "Experimental Psychology of Personality" of Khakassia State University, Professor of Department of General and Clinical Psychology of Medical-Psychological-Social institution of Khakassia State University

Stoyukhina Natalia Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Chairman of Nizhny Novgorod Regional Department of Section of History of Psychology of Russian Psychological Society (Russia)

Tikhonova Eleonora Victorovna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant professor of Department of Psychology, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

Maslov Kirill Sergeevich, PhD (Psychology), Research Fellow, Institute of Psychology, University of Tartu (Эстония)

Bakshutova Ekaterina Valerievna, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Assistant Professor of Department of General and Social Psychology, Samara State University of Social Sciences and Education (Russia)

Madjarov George A., Associate Professor, PhD (Psychology), St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo (Bulgaria).

Proskulikova Larisa Naumovna, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor of Department of Philosophy, Institute of Social Sciences and Governance, Interregional Academy of Personnel Management, Lecturer of International Institute of Depth Psychology, Postdoctoral student of Philosophical Anthropology of Institute of Philosophy of NASU (Ukraine)

Batyrshina Alfiya Robertovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Assistant Professor, Head of Department of Humanities, Information Technologies and Service, Naberezhnye Chelny State Trade and Technological Institute (Russia)

Belobrykina Olga Alfonsasovna, Candidate of Psychological sciences, Assistant Professor, Professor of Department of Social Psychology and Victimology, Novosibirsk State Pedagogical University, Academician of Academy of Polar Medicine and Extreme Human Ecology (Russia)

Chuprov Leonid Fedorovich, Candidate of Psychological Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Full Member of European Academy of Natural History, Head editor of Scientific Journal "Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia" (Russia)

Verzhibok Halina Vladislavovna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Corresponding Member of IAS, Assistant Professor of Department of Psychology, Minsk State Linguistic University (Belarus)

Chudakova Vera Petrovna, Candidate of Psychological Sciences, Research Fellow of Institute of Pedagogy of; Research Corresponding Member of H.S. Kostyuk Institute of Psychology of National Academy of Educational Sciences of Ukraine (Ukraine)

Sagaydak Aleksandr Nikolaevich, Candidate of Psychological Sciences, Director of Association of Depth Psychology «Teurung» (Ukraine)

История российской психологии в лицах: Дайджест. 2018. № 6. 55 с.

History of Russian Psychology in Persons: Digest. 2018. № 6. 55 p.

ISSN 2415-7953

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес в интернете: <http://journals.hist-psy.ru/index.php/HPRPD/index>

Подписано в печать 12.12.2018

© Авторы статей, 2018

Содержание

Интеграция психологического знания:

история и современность

Козлов В.В. Духовность человека – в поисках интегративной методологии	8
Мазилев В.В. Психология и практика: грани отношений	14
Тимощук Е.А. Интеграция и междисциплинарность психологического знания: кейс феноменологии.....	30

Междисциплинарность психологического знания:

история и современность

Лазаренко Л.В. Психология персонажей Ф. Достоевского как пограничное бытие субъекта в ситуации социальной «принужденности».....	40
Харланова Ю.В. Психологическая антропология в литературных произведениях писателей XX в.....	50

Table of contents

Integration of psychological knowledge:

history and modernity

Kozlov V.V. Human spirituality – in search of an integrative methodology	8
Mazilov V.V. Psychology and practice: the face of relationships.....	14
Timoshchuk E.A. Integration and interdisciplinarity of psychological knowledge: the case of phenomenology	30

Interdisciplinarity of psychological knowledge:

history and modernity

Lazarenko L.V. The psychology of the characters of F. Dostoevsky as a borderline being of a subject in the situation of social “compulsion”	40
Kharlanova Yu.V. Psychological anthropology in writers’ literature of the 20th century	50

Интеграция психологического знания: история и современность

Духовность человека – в поисках интегративной методологии

Козлов Владимир Васильевич

Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова, Россия

e-mail: kozlov@zi-kozlov.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу пробуждения и высших духовных состояний в предметном поле психологии. Особое внимание уделено методологическим вопросам исследования проблем духовности.

Ключевые слова: духовность, ценность, личность, смысл, пробуждение, традиция, парадигма.

Human spirituality – in search of an integrative methodology

Kozlov Vladimir Vasilyevich

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Russia

e-mail: kozlov@zi-kozlov.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of awakening and higher spiritual states in the subject-matter field of psychology. Particular attention is paid to the methodological issues of the study of problems of spirituality.

Keywords: spirituality, value, personality, meaning, awakening, tradition, paradigm.

В современной культурно-социальной ситуации России существует глобальная социально-психологическая проблема поиска основ, системообразующих ценностей российской культуры, идеалов и общих народных идей, истоков формирования и основных тенденций развития. Особого внимания в связи с этим исследование, вычленение эталонных

личностей русской культуры, высших духовных ценностей нравственного сознания многонационального евразийского государства России [5; 8].

В большинстве мифологических систем деятельность эталонов духовного пробуждения (святых, старцев, мудрецов), носит многофункциональный и смешанный характер. В процессе социального и исторического преобразования общества функции пробужденного, просветленного мудреца могут изменяться и исчезать, перетекать из одной мифологической системы в другую, может происходить обмен или заимствование того или иного персонажа. Культурные герои социалистического общества повергнуты, в том числе и ценности коллективиста, демиурга коммунистического общества. Мифы об обустройстве мира напрямую отражают господствующие социальные отношения, и поэтому смена социальных идеалов, культурных героев, мудрецов, носителей пробужденного сознания, Духовных Учителей, их преображение или исчезновение свидетельствуют о напряжении, ценностном и идеологическом, духовном и нравственном кризисе в обществе.

Психологическое осмысление пробуждения и просветления, высших ценностей духовной культуры российского народа как социально-психологической общности может стать ее основой дальнейшего развития.

Монетарный и прагматичный характер современной личности, девальвация экзистенциальных, духовных ценностей становятся угрозой традиционной российской полиментальности, в которой сострадание, сопереживание, любовь к ближнему как ценность, служение, соборность события были всегда важными [1; 8; 7].

Как-то в 70-х гг. была конференция по популярной тогда теме «Буддизм и наука». Алан Уотс, который был председательствующим, задал вначале сакраментальный вопрос: «Что может дать наука для достижения просветления?» Присутствующий на конференции мастер тибетского буддизма Тартанг Тулку Ринпоче ответил: «Ничего». Удовлетворенный председатель объявил конференцию закрытой [3; 8].

Несмотря на красоту этой истории и убежденность многих о бессмысленности научного анализа высших духовных состояний, в этой статье мы хотим обсудить методологические проблемы пробуждения и духовного пути, а также честно развернуть основную мотивацию достижения этого «пик-переживания», цели и задачи этой специфической формы человеческой активности.

В силу сложности и многогранности проблемы духовности человека мы используем интегративный подход, который уже достаточно признан в науке

как метапарадигмальная стратегия исследования сложных предметных областей психологии [3; 6; 9].

Современная социальная ситуация в России делает тему психологии пробуждения, высших духовных ценностей и переживаний по-особенному актуальной в силу нескольких причин:

Во-первых, одной из наиболее острых глобальных проблем современности является напряжение и обострение конфликтов между большими группами населения (цивилизациями, народами, государствами), духовным стержнем которых являются религиозные традиции.

Во-вторых, для выживания человечества в целом необходим поиск путей взаимопонимания между различными цивилизациями, культурами, укладами жизни, точек ценностного, духовного соприкосновения.

В-третьих, пробуждение, просветление, духовное возрождение является не только пиком духовного развития человека во всех духовных традициях современного мира, но и объединяющим принципом всех религиозных систем [5].

Современная Россия страна не только многонациональная, но и многоконфессиональная, многоликая по культурному укладу, многомерная и многослойная. Для сохранения экономической, социально-психологической, идеологической, политической целостности настоятельно необходимо реализовать стратегию и методы диалога не только между большими группами (культур, народов, конфессий и страт), но и различными поколениями граждан России. Высшие духовные ценности имеют исключительное значение для конфессионального сознания, для самосознания больших социально-психологических общностей. На наш взгляд, именно высшие ценности духовного порядка являются тем общим, что позволяет вести диалог, осознать единство, являются объединяющим коммуникативным средством между различными социальными общностями начиная от малых групп до глобальных цивилизаций.

Пробуждение, просветление, высшие духовные ценности любви, сострадания, служения, человечности как психологические феномены требуют чрезвычайно специфического метода анализа и исследования.

Как мы уже много раз писали, в качестве основных парадигм, определяющих лицо психологической науки и практики выступают 5 парадигм (психофизиологическая, психоаналитическая, бихевиористическая, экзистенциально-гуманистическая, трансперсональная), но в исследовательской научной стратегии в основном они сводятся к двум подходам – естественнонаучная и феноменолого-герменевтическая [1; 3].

Решить проблему описания пробуждения в русле естественнонаучной парадигмы, которая в свое время конституировала научную психологию, по-видимому, чрезвычайно сложно по следующим причинам:

1) психология никогда не выделяла духовные состояния (особенно мудрость, просветление, пробуждение) в качестве объекта исследования и научного предмета;

2) пробуждения в качестве предмета психологии не подлежала объяснению;

3) причинно-следственное объяснение не применимо к феномену пробуждения;

4) логика научной психологии - явная или неявная редукция, т.е. сведение психического к непсихическому, не приложима к высшим психическим состояниям;

5) общие схемы исследования, разработанные в психологии (структурный, функциональный, процессуальный, генетический, уровневый или их определенные сочетания) не «работают» при анализе целостных психических состояний (каковыми являются пробуждение, просветление, любовь, радость, сострадание, равенность, счастье, гармония и др.) [1; 4; 9].

В силу указанных причин на наш взгляд интегративная парадигма, которая ориентирована на принцип целостности как системообразующий, является наиболее адекватной для исследования проблем духовного. Мы считаем, что психология имеет иной объект, качественно отличный от объектов естественных наук и поэтому объяснения, предполагающие редукцию в той или иной форме в психологии, неприменимы [4]. Выбирая предметом исследования духовные состояния человека, мы вместо объяснения будем использовать описание как более адекватный.

Выбирая интегративную качественно-описательную парадигму исследования особое внимание необходимо уделять культурно-историческому экзистенциальному контексту бытия человека, богатству его внутренней жизни, внутреннего мира и переживаний, духовных проблем и ценностей существования человека.

В этой ситуации, наблюдение и самонаблюдение, тонкая интроспекция и рефлексия внутренних переживаний, душевная беседа, проникновенный анализ духовных текстов являются полноценными и аутентичными способами анализа, исследования духовного содержания человека.

Духовные переживания как рефлексивные феноменологические описания являются существенным моментом не только сакральных текстов. Они

присутствуют в полноте в самоотчетах, групповых и индивидуальных проговорах (шерингах) на тренингах и семинарах, посвященных духовным измерениям жизни человека. Все они являются адекватным, легитимным источником получения психологических данных. Герменевтическая стратегия исследования смыслов, ценностей, переживаний человека имеет познавательную и прагматическую ценность и может быть использована в психологии.

Проблемы пробуждения, просветления, высших духовных переживаний, метаценностей, принадлежат к разряду «вечных» и требуют отказа от пустого теоретизирования. Более того, эти проблемы требуют трепетного отношения к «вечным текстам» (Библии, Типитаке, Авесте, Корану и др.), к практикам духовных традиций. Именно они в течение нескольких тысячелетий давали не только давали опыт уникальных переживаний, но создавали реальную возможность пережить самые темные ночи развития нашей цивилизации.

Список литературы:

1. Козлов В.В. Движение за развитие человеческого потенциала. Ярославль: РПФ «Титул», 2017. 198 с.
2. Козлов В.В. Духовная психология: в поисках изначального. М.: Издательство трансперсонального института, 2000. 112 с.
3. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска или освящение повседневности. М.: Психотерапия, 2007. 528 с.
4. Козлов В.В. Психология буддизма. Четвертое колесо дхармы. Вологда: Древности Севера, 2016. 296 с.
5. Козлов В.В. Психотехнологии измененных состояний сознания. М.: Институт психотерапии, 2005. 544 с.
6. Козлов В.В. Русские духовные традиции и истоки духовной психологии в России. // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 1. С. 174-186.
7. Козлов В.В. Субъектность как интегративный феномен природы и культуры в человеке // Методология современной психологии. Ярославль, 2015. С. 82-91.
8. Козлов В.В. Трансперсональная психология. Измененные состояния сознания, околосмертные переживания, интуиция, психология духовности. Учебное пособие. М.: ЭКСМО, 2010. 510 с.

9. Козлов В.В. Кукина М.В. Психология смерти. М.: Институт консультирования и системных решений, 2016. 376 с.
10. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: ЯГПУ, 2017.

References:

1. Kozlov V.V. Dvizhenie za razvitie chelovecheskogo potentsiala. Yaroslavl': RPF «Titul», 2017. 198 s.
2. Kozlov V.V. Dukhovnaya psikhologiya: v poiskakh iznachal'nogo. M.: Izdatel'stvo transpersonal'nogo instituta, 2000. 112 s.
3. Kozlov V.V. Integrativnaya psikhologiya: Puti dukhovnogo poiska ili osvyashchenie povsednevnosti. M.: Psikhoterapiya, 2007. 528 s.
4. Kozlov V.V. Psikhologiya buddizma. Chetvertoe koleso dkharmy. Vologda: Drevnosti Severa, 2016. 296 s.
5. Kozlov V.V. Psikhotehnologii izmenennykh sostoyanii soznaniya. M.: Institut psikhoterapii, 2005. 544 s.
6. Kozlov V.V. Russkie dukhovnye traditsii i istoki dukhovnoi psikhologii v Rossii. // Istoriya rossiiskoi psikhologii v litsakh: Daidzhest. 2017. № 1. S. 174-186.
7. Kozlov V.V. Sub"ektnost' kak integrativnyi fenomen prirody i kul'tury v cheloveke // Metodologiya sovremennoi psikhologii. Yaroslavl', 2015. S. 82-91.
8. Kozlov V.V. Transpersonal'naya psikhologiya. Izmenennye sostoyaniya soznaniya, okolosmertnye perezhivaniya, intuitsiya, psikhologiya dukhovnosti. Uchebnoe posobie. M.: EKSMO, 2010. 510 s.
9. Kozlov V.V. Kukina M.V. Psikhologiya smerti. M.: Institut konsul'tirovaniya i sistemnykh reshenii, 2016. 376 s.
10. Mazilov V.A. Metodologiya psikhologicheskoi nauki: istoriya i sovremennost'. Yaroslavl': YaGPU, 2017.

Сведения об авторе:

Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор, Президент Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой социальной и политической психологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Россия)

Психология и практика: грани отношений¹

Мазиллов Владимир Александрович

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Россия

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Аннотация. В статье обсуждается вопрос о развитии практической психологии в нашей стране. В статье подчеркивается, что «возрождение» практико-ориентированной психологии происходило не на «ровном» месте, а было подготовлено предшествующими событиями, которые весьма различались в зависимости от того, в каком регионе происходило. На примере ярославского региона показано, каковы были предпосылки открытия специальных факультетов. Утверждается, что внедрение практической психологии в систему образования было в значительной степени подготовлено опытом экспериментальной работы по развивающим моделям обучения, развертыванию исследований по трудовому воспитанию и психологии труда, по педагогической психологии. В статье обсуждается вопрос о различиях практико-ориентированной и академической психологии. Намечаются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: психология, практическая психология, специальный факультет, личность, практика.

Psychology and practice: the face of relationships

Mazilov Vladimir Aleksandrovich

Yaroslavl State Pedagogical University n.a. K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Abstract. The article discusses the development of practical psychology in Russia. The article emphasizes that the “revival” of practice-oriented psychology did not take place on a “level” place, but was prepared by previous events, which differed greatly depending on the region in which it took place. By the example of the Yaroslavl region it is shown what the prerequisites of opening special faculties were. It is argued that the introduction of practical psychology into the education system was largely prepared by the experience of experimental work on

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания № 25.8407.2017/8.9. на выполнение проекта по теме «Методология интеграции психологии: от интеграции психологического знания к интеграции психологического сообщества».

developmental models of training, the deployment of research on labor education and work psychology, on educational psychology. The article discusses the question of the differences between practice-oriented and academic psychology. Prospects for further research are outlined.

Keywords: psychology, practical psychology, special faculty, personality, practice.

Редакционная коллегия журнала приняла решение об издании специального номера, посвященного довольно необычной теме: «История научной и практической психологии» (К 30-летию второго рождения практической психологии в СССР и России (Приказ о переподготовке практических психологов для учебно-воспитательных учреждений от 1988 г.)). Хотя тема представляется во многом неожиданной, я думаю, что инициативу стоит поддержать. Главный аргумент «за» в этом случае состоит в том, что историю отечественной психологии мы знаем, к сожалению, плохо. В данном случае близость к нашим дням не должна вводить в заблуждение: в нашей недавней истории также присутствуют лакуны, фигуры умолчания, пробелы, имеющие разную обусловленность... Поэтому обращение внимания на эти вопросы способствует уменьшению суммарной площади «белых пятен», что само по себе несомненно благо для нашей истории психологии. Другое дело, что «приказ» как человеческое деяние является выражением и отражением в конечном счете определенных процессов в социуме, преломленных через восприятие и интерпретацию чиновного люда разного уровня, что делает не вполне прозрачными резоны той иной новации. К тому же, приказы, как и указы, – иногда запаздывают, а иногда преждевременны.

В целом попытка связать расцвет практической психологии в СССР с концом 1980-х гг. вполне резонна. Хотя справедливости ради следует отметить, что любое явление имеет свои предпосылки.

В частности, представляется, что внедрение практической психологии в систему образования было в значительной степени подготовлено опытом экспериментальной работы по развивающим моделям обучения (Д.Б. Эльконина-В.В. Давыдова, Л.В. Занкова), развернувшихся с начала 1960-х гг. в разных городах СССР.

Другим фактором, способствующим возрождению практической психологии, явилось возрождение психологии труда. Конечно, это наблюдалось далеко не во всех регионах. Но в Ярославле – одном из известных психологических центров в нашей стране – такое было. В 1964 г. в Ярославле в Ярославском педагогическом институте создается головная для Министерства

просвещения РСФСР лаборатория психологии труда, трудового обучения и воспитания. Понятно, что разработки в этих областях происходили не в русле академической психологии, поскольку были ориентированы на решение практических вопросов. Первым заведующим лабораторией стал Альберт Владимирович Филиппов, впоследствии переехавший в Москву и ставший известным в нашей стране психологом. Открытие же ее было подготовлено исследованиями Виктора Васильевича Карпова по сигнальному программированию [14; 15]. Трудовое обучение и воспитание, реализуемое при участии ярославских психологов в школах города и области, также способствовало росту авторитета психологии и среди педагогов, и среди администрации школ, и среди руководства системой народного образования в регионе. Избранное направление работы в области психологии труда и инженерной психологии, создание необходимой экспериментальной базы, послужило основой для исследований, проведенных позднее на кафедре ее многочисленными сотрудниками и аспирантами [14; 15].

Наличие коллектива лаборатории сделало возможным осуществление еще одного направления работы, приближавшего научные исследования в области психологии к практике. Речь идет о так называемых хоздоговорных исследованиях. С 1966 г. такие исследования на кафедре психологии проводились по договору с Научно-исследовательским институтом шинной промышленности (НИИШП), поскольку в Ярославле располагался ведущий в СССР Ярославский шинный завод и город был одним из центров шинного производства в стране. География хоздоговорных исследований неуклонно расширялась, вместе с ее расширением увеличивался и исследовательский потенциал Ярославской психологической школы, созданной на кафедре ЯГПИ к середине 1960-х гг. профессором В.С. Филатовым и его единомышленниками. Исследования проводились на фабрике технических тканей «Красный Перекоп», в системе нефтехима и автопрома, завода асбестово-технических изделий, «Резинотехнике» и т.д. Совершенно не случайно эта научная школа приобрела известность в первую очередь как соединяющая научность психологических концепций с близостью к практике. Подчеркнем, что эта научная школа родилась на кафедре педагогического института, а базовую платформу первоначально составил антропологический подход, основы которого были заложены еще К.Д. Ушинским. Применительно к деятельности учителя и задачам его подготовки учение К.Д. Ушинского было переосмыслено и конкретизировано лидером школы В.С. Филатовым [20]. В том же сборнике 1948 г., который мы только что упомянули, имеется статья старейшего доцента кафедры И.М. Цветкова (работал на кафедре с 1930 года), посвященная

воспитанию трудолюбия у детей (по Ушинскому) [22]. Фактически все преподаватели кафедры имели публикации по психологическим взглядам Ушинского на изучаемый тем или иным автором предмет (В.С. Филатов, И.М. Цветков, В.В. Карпов, Н.П. Воронин, Ю.П. Вавилов, Н.П. Ерастов, Г.А. Мурашев, В.В. Новиков, А.Г. Поддубный, и др.). Поэтому первоначальной платформой была практико-ориентированная методология и психология Ушинского. Это действительно стало «визитной карточкой» ярославской школы - сочетание научности и практической ориентированности [11; 15].

Но мы немного увлеклись. Когда поднимается тема развития практической психологии, это не трудно. Вернемся к документу, который задал тему нашему специальному номеру, и приведем здесь этот короткий документ.

«О ПЕРЕПОДГОТОВКЕ ПРАКТИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ ДЛЯ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ»

Приказ Государственного комитета СССР по народному образованию № 391 от 18 октября 1988 г.

В соответствии с решением коллегии Гособразования СССР от 29 июля 1988 г. № 6/3, в дополнение к приказу Гособразования СССР от 12 июля 1988 г. № 195 приказываю:

1. Министерству высшего и среднего специального образования РСФСР, министерствам народного образования Белорусской, Грузинской, Литовской союзных республик. Государственному комитету Эстонской ССР по народному образованию. Главному управлению подведомственных учебных заведений, Главному учебно-методическому управлению высшего образования, Главному планово-экономическому управлению Гособразования СССР:

1.1. Открыть специальные факультеты по переподготовке кадров по направлению "Практическая психология в системе народного образования": в ноябре 1988 г. в Московском, Ленинградском, Ростовском, Тартуском, Тбилисском, Харьковском государственных университетах. Московском им. В.И. Ленина, Ленинградском, Минском, Пермском, Таллинском и Ярославском педагогических институтах; с 1 сентября 1989 г. в Вильнюсском государственном педагогическом институте.

1.2. Установить план приема на специальные факультеты по 50 человек на дневной форме со сроком обучения 9 месяцев.

1.3. Комплектование специальных факультетов проводить по направлениям местных органов народного образования.

1.4. Обеспечить специальные факультеты подведомственных вузов материальной базой, профессорско-преподавательскими кадрами, а иногородних слушателей – местами в общежитии.

1.5. Представить в Главное планово-экономическое управление образования СССР до 1 января 1989 г. сведения о выполнении плана приема в 1988 г. и предложения к плану приема слушателей специальных факультетов подведомственных вузов на 1989 г.

2. Контроль за выполнением настоящего приказа возложить на Главное экономическое управление и главного психолога т. Асмолова.

Первый заместитель председателя В.ШАДРИКОВ» [17].

Как можно полагать, теперь понятно, почему одним из вузов, где открылся спецфакультет по переподготовке кадров по направлению «Практическая психология в системе народного образования», стал Ярославский педагогический институт. Первым деканом спецфакультета стала доцент кафедры психологии ЯГПИ кандидат психологических наук Н.П. Ансимова (ныне доктор психологических наук, профессор, известный в стране ученый).

Теперь скажем несколько слов о различиях между психологией, ориентированной на практику, и академической психологией. Как известно, некоторое противостояние между психологическими практиками, с одной стороны, и учениями о душе, психике, с другой, наблюдалось практически всегда. Собственно, начало, корни практической психологии можно увидеть в практиках шаманов, которых с достаточным основанием можно считать практическими психологами, поскольку значительная часть из активности была направлена на создание определенных состояний у членов племени. В этом смысле можно утверждать, что практической психологии по меньшей мере сорок тысяч лет. Как развитие традиции практической психологии достаточно вспомнить весьма изощренные буддийские практики. И совсем другие корни психологии можно усмотреть в попытках греческих натурфилософов объяснить мир, космос и место души в нем.

Мы не будем здесь вспоминать про эти традиции, так как для этого в настоящем тексте нет необходимого пространства. С нашей точки зрения, эти две линии развития не пресекались. Развитие практической психологии и психологии академической идет параллельно, они составляют собой необходимые компоненты единого психологического знания. Стратегически

между ними должно происходить взаимодействие, диалог в духе полифонизма М.М. Бахтина. Поясним это.

Очевидна «неполнота» научной, академической психологии. Ясно, что преодолеть эту неполноту возможно прежде всего через диалог, взаимодействие. Полифонизм может быть реализован в некоторых «рамках» (в литературе это пространство романа), в психологии, очевидно, это то «пространство», в котором могут быть соотнесены различные подходы, в частности, реализующие различные взгляды на предмет. Очевидно, что это пространство должно быть «создано» или каким-то образом «задано». Ясно, что наиболее логично было бы, если бы это было пространство, задавалось философией психологии (или методологией, если философия психологии еще не сформировалась и не готова реализовать эту функцию).

Психический мир, по счастью, описывает и изучает своими средствами не только наука, но и искусство, философия, религия. Кроме научной (академической) психологии существуют как отдельные течения мысли психология философская, психология практико-ориентированная, психология трансперсональная.

У каждой существует свой подход, свои задачи, свое понимание предмета. Представляется, что в настоящее время только многоголосие, полифонизм различных подходов являются единственным разумным путем преодоления кризиса и той частичности трактовки предмета, которая была отмечена выше. Призыв А. Маслоу расширять границы науки, распространять научный подход на новые области психической жизни не дает пока ожидаемых результатов, хотя эта тенденция безусловна позитивная. Другой вектор – усиление позиций трансперсональной психологии, которая охватывает значительно более широкий круг проблем, чем традиционная. Тем не менее полифонизм необходим, как и выработка новой широкой трактовки предмета и задания общего психологического пространства.

Мы проводили специальные исследования, которые показали, что проблемы взаимопонимания в психологии не так просты, как может показаться на первый взгляд. Сами идеи взаимопонимания, сотрудничества в психологическом сообществе в глазах исследователей имеют несомненную ценность. Однако, в реальной практике исследовательской деятельности эта тенденция выражена значительно слабее. Более того, стандарты, существующие в научном сообществе, нацеливают исследователей в первую очередь на поиск различий, обоснование новизны и уникальности собственного подхода. Процессы взаимопонимания существенно страдают из-за того, что практически отсутствует позитивный опыт демонстрации конструктивного

взаимодействия. Кроме отсутствия выраженного желания взаимодействия важно отметить, что нет общедоступного методологического аппарата, который бы способствовал такому взаимопониманию и соотнесению разных подходов, концепций и т.д.

Самое главное препятствие на пути интеграции научного знания, пожалуй, состоит в том, что, как представляется многим, существует философское «обоснование» невозможности соотнесения и интеграции – тезис о несоизмеримости теорий. Обоснование несоизмеримости, осуществленное Т. Куном, как полагают многие представители психологического сообщества, делает саму идею соотнесения бесполезной. В этом смысле интерпретируется известная работа Т. Куна, который утверждает, что теории несоизмеримы, так же, как и факты, используемые в этих теориях.

Как показали наши исследования, такая картина возникает, пока мы рассматриваем теорию как нечто целостное и нерасчлененное. В действительности, когда мы говорим о сравнении, сопоставлении, используем некоторую схему, с помощью которой осуществляется соотнесение. Нами была разработана схема соотношения теории и метода в психологическом исследовании, было установлено, что она представляет собой структурный инвариант.

Как только мы расчлняем, выделяем структурные элементы, картина меняется. Это позволило нам сформулировать принцип соизмеримости теорий в психологии. Это позволило сформулировать концепцию коммуникативной методологии [5]. Которая предназначена для установления контактов и взаимопонимания между различными концепциями. Это открывает простор для сопоставления. Как показывает опыт применения коммуникативной методологии, очень редко расхождения охватывают несколько структурных элементов.

Смысл коммуникативной методологии состоит в том, что сравниваемые концепции сопоставляются поэлементно в соответствии со схемой соотношения теории и метода в психологическом исследовании. Оказывается, что между концепциями, которые в целом казались несоизмеримыми, можно обнаружить как сходства, так и различия. В качестве дополнительного средства используется процедура выявления и сопоставления «подлинного и мнимого спектра значений» того или иного понятия из сравниваемых концепций. К примеру, очень показательным является использование коммуникативной методологии в истории психологии. Скажем, известно несколько концепций деятельности или мышления, созданных различными исследователями. К примеру, для С. Л.Рубинштейна базовой категорией является процесс, тогда

как для А.Н. Леонтьева это структура. Для одной концепции деятельности моделирующими представлениями выступает индивидуальный процесс труда, для другой - совместно-распределенное взаимодействие индивидов в решении общей задачи. Такого рода поэлементное сопоставление концепций позволяет значительно лучше понять сходства и различия концепций. К сказанному стоит добавить, что уровневое строение научного факта в психологии позволяет заключить, что и факты, которыми оперирует та или иная концепция, сопоставимы в значительно большей степени, чем представляется на первый взгляд. Таким образом полифонизм в психологии дает возможность перейти к диалогу. Диалог становится возможным, поскольку для его осуществления появляется основа и конкретное содержание.

Полифонизм порождает диалог, понимание дает возможность взаимного отношения и в перспективе позволяет взаимодействовать. Как показывает опыт применения коммуникативной методологии, чаще всего причиной непонимания оказываются различные моделирующие представления, как правило, не совпадающие у разных исследователей. Таким образом мы понимаем, где именно возникают расхождения между концепциями. Глобальной несоизмеримости не существует, препятствия, обозначенные выше, преодолимы.

Обсуждая взаимоотношения академической и практической психологий, необходимо хотя бы кратко остановиться на различиях этих психологий. В данном тексте отметим, что пионерами постановки этой проблемы в новейшее время были А.М. Эткинд (1987) [26], О.К. Тихомиров (1992) [19] и Ф.Е. Василюк [1] (1996). Публикация последнего получила большой резонанс, после этой работы стало принято говорить о схизисе академической и практической психологий. В известной статье А.В. Юревича (1999) [27], было показано, что в психологии системный кризис. В работах А.Л. Журавлева и Д.В. Ушакова были раскрыты глубинные различия между академической и практической психологиями [3; 4; 5]. Различия касались исследовательских стратегий и подходов к исследованию. Отметим, что данные авторы не довольствовались установлением когнитивных различий, но акцентировали парадигмальное противостояние между этими видами психологии. Общее заключение А.Л. Журавлева и Д.В. Ушакова таково, что «академическая и практическая психологии работают каждая по своим эталонам, и в этом смысле их характеристика как различных парадигм правомерна» [3, с. 175]. Здесь не место для подробного анализа (см. подробно [7; 9; 10; 11; 12]). Как нам представляется, говорить об оппозиции академической и практической психологии как парадигмальном противостоянии не приходится уже потому,

что между ними нет конкуренции, поскольку каждая занимает свою нишу. Поэтому, по большому счету, между этими направлениями в психологии нет никакого противостояния. Сама фиксация схизиса означает лишь то, что они разные. Поэтому если у той или иной разновидности практической психологии нет своей концептуализации, то, скорее всего, это место займет какая-нибудь мифология, но совсем маловероятно, что это окажется какая-либо научная теория. Ибо у них разные задачи. И по своему устройству они разные.

Если все же рассматривать эти направления в психологии как парадигмы (заметим, это было бы очень вольным обращением с куновским термином «парадигма»), то это было бы противостояние двух других парадигм. Это были бы естественно-научная (которая стоит за академической психологией) и гуманистическая (герменевтическая) парадигма, которая чаще всего является неявным основанием практико-ориентированной психологии.

Сейчас кратко остановимся на специфике практико-ориентированной психологии. Отметим, что данному вопросу посвящена большая литература. В данной статье мы не станем вдаваться в тонкости, а обратим внимание на наиболее важные моменты.

Практическая психология в настоящее время, как можно полагать, находится в состоянии оформления в самостоятельную дисциплину. По широко известной характеристике В.Н. Дружинина, практическая психология отчасти остается искусством, отчасти базируется на прикладной психологии как системе знаний и научно обоснованных методов решения практических задач [18]. В целом эта констатация справедлива и сегодня, хотя прошло немало лет: практическая психология чрезвычайно неоднородна и, несомненно, включает в себя названные составляющие. Но, как можно полагать, в настоящее время происходит формирование практической психологии как особого направления внутри психологической науки. При всей неоднородности практической психологии (в качестве таковой выступают и элементы академической психологии, «дополненные» примерами «из жизни», и собственно прикладная психология, и различного рода вне- и ненаучные концепции, основывающиеся на эзотерических учениях, мистике, астрологии и т.п., и так называемая «pop-psychology» – психология для массового читателя, и т. д.), тем не менее, уже сегодня можно говорить о формировании собственно практической психологии как отрасли психологической науки, имеющей специфические цели и задачи, методы, способы объяснения и т.д.

Конечно, надо помнить, что и академическая психология, и практическая психология не едины. Каждая включает в себя целый спектр разновидностей, в

каждой велики «внутривидовые» различия. Поэтому ясно, что говорить об академической и о практической психологии можно лишь условно. В действительности, конечно, не существует ни академической, ни практической психологий как единых моделей, а внутри каждого типа имеет место множество вариантов. Об этом очень хорошо написал один из пионеров разработки этой проблематики в советской психологии А.М. Эткинд, исследовавший особенности когнитивных структур у этих психологов: «В дальнейшем мы будем намеренно заострять различия, существующие между когнитивными структурами психолога-практика и психолога-исследователя, относясь к ним как к «идеальным типам» и временно абстрагируясь от многочисленных их пересечений, взаимовлияний и промежуточных вариантов. Такой подход, проводимый в соответствии с известным в методологии гуманитарных наук принципом бинарных оппозиции, представляется необходимым шагом на пути к анализу реальных взаимодействий выделяемых структур и к «наведению мостов» между ними» [26, с. 21]. Представляется, что подобная стратегия актуальна и перспективна и сегодня.

Еще одна деталь, которую необходимо уточнить, касается исследования психологических практик. Глубокие многолетние исследования, проведенные И.Н. Карицким, на наш взгляд, существенно недооцененные, имеют важнейшее значение для продвижения понимания отношений между академической и практической психологиями [6; 7].

Академическая и практическая психологии различаются по многим параметрам. Наиболее значимые, как можно полагать, состоят в следующем:

1. *Предметом* академической психологии является психика (или поведение), предметом практической психологии – личность, человек. На наш взгляд, подход практической психологии более целостен: к целому применяются конкретные схемы, подбор которых определяется многими условиями. Можно сказать, что практическая психология скорее объектна, чем предметна (в смысле предмета академической психологии).

2. *Методом* современной академической психологии является метод объективного и опосредствованного изучения психики (или поведения), методом практической – комплексный метод (описательный и расчлняющий, либо предполагающий установление контакта и в перспективе диалога).

3. Различаются по *основной цели*: в академической психологии целью является объяснение, в практико-ориентированной – изменение тех или иных психологических качеств или их характеристик.

4. Различаются по *идеальному продукту*: в академической психологии это объяснение (желательно причинно-следственное), в практической – описание, возможность отнести к типу, изменение качества.

5. Различаются по *моделирующим представлениям* [12]: в академической психологии результатом является построение теоретической модели, в практико-ориентированной – создание типологии, изменение или моделирование или нового состояния.

6. Различаются *по задачам*: в академической психологии задачами являются обнаружение законов и вписывание явлений в картину мира, тогда как в практико-ориентированной психологии это выделение индивидуальных различий и характеристик, отнесение к типу, предсказание поведения.

Понятно, что список различий не является исчерпывающим или окончательным. Впрочем, он на это и не претендует, поскольку это всего лишь инструмент понимания. Еще раз напомним, что существование чистых типов академической и практической психологии условно. Обратим внимание, что термин личность используется и в практической и в академической психологии. В психологическом лексиконе термин личность занимает совершенно особое место: понятие личность рассматривалось в свое время как претендент на то, чтобы выступать в качестве предмета психологии. Количество возможных концептуализаций настолько велико, что построение универсальной теории личности в прогнозируемом будущем вряд ли ожидаемо. Множественность трактовок личности в ближайшем будущем сохранится, поэтому перспективы исследований в области личности стоит определять с учетом этого обстоятельства.

Известные исследователи К. Холл и Г. Линдсей отмечают, что современные теории личности имеют специфику по сравнению с традиционной академической научной психологией. В частности, отмечается историческая связь теорий личности с практикой; теория личности выступала как инакомыслие, теория личности никогда не шла в русле академической психологии; теории личности функциональны по своей направленности [21, с. 19]. Психология личности более практична, для нее характерны учет мотивации и более целостный подход.

Если теории личности в научной психологии не шли в «русле академической психологии», то для теорий личности в практико-ориентированной психологии это справедливо в превосходной степени. Так называемая общая психология неоднородна, формировалась из различных источников. Яркий пример – психология личности, несомненно, представляющая собой специфический раздел общей психологии.

Констатируем, что предмет современной академической психологии фактически неоднороден, внутренне противоречив. Если разделы, связанные с познанием, трактуются как психика (под которой проглядывает «отражение»), то разделы, касающиеся личности, заметно отличаются. Иногда мы даже предполагаем, что там, возможно, неявно задан другой предмет. Вероятно, это «личность». Такие характеристики как целостность, контекстуальность поведения человека и пр., о чем речь шла выше, просто следствия неявной замены предмета. Как нам представляется, эти противоречия легко могут быть сняты, если использовать в качестве предмета внутренний мир человека [23; 25]. Впрочем, в рамках настоящей статьи мы не станем обсуждать этот вопрос.

Не будем останавливаться и на трактовке личности в практико-ориентированной психологии. Практическую психологию интересует в первую очередь целостный человек, конкретная личность, так как в практическом отношении важно понять личность и ее поведение, предсказать ее реакции и поступки, поэтому в большинстве случаев используется не понятие личность из какой-то известной теории, а общее представление, в котором могут акцентироваться актуальные для конкретного случая характеристики. Было предпринято сопоставление понятия личности в научной и в практической психологии, выявлены сходства и различия. Появилась перспектива рассматривать теории личности как мост, соединяющий академическую и практическую психологию. На наш взгляд, подход практической психологии более целостен: к целому (объекту) применяются конкретные схемы, подбор которых (из существующего у практика арсенала) определяется многими условиями. Впрочем, мы уже в некоторых публикациях касались этого вопроса, не будем повторяться [9].

В заключение повторим, что перспектива взаимоотношения практической и академической психологий видится так. Для полноценного развития психологической науки в XXI столетии необходимо взаимодействие научной психологии с другими составляющими психологического знания в современной мировой культуре. Речь идет не только о полифонизме национальных культур, что вполне очевидно. Выделены уровни, на которых возможна реализация идеи полифонизма в современной психологии. Макро-уровень (полифонизм психологии как науки и литературы, искусства, философии, религии). Мезо-уровень: полифонизм академической психологии и психологии трансперсональной, психологии философской, а также практико-ориентированной психологии. Микро-уровень – собственно психологический, предполагающий полифонизм внутри научной психологии, то есть

взаимопонимание и взаимодополнение между теориями и концепциями одного уровня. Традиционно считается, что теории в психологии несоизмеримы (Т. Кун). Автором статьи сформулирован принцип соизмеримости теорий в психологии [5] и на этой основе разработана коммуникативная методология, позволяющая соотносить различные психологические концепции одного уровня, представлен соответствующий методологический аппарат.

Список литературы:

1. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25-40.
2. Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 558 с.
3. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Теоретико-экспериментальная и практическая психология: две разные парадигмы? // Парадигмы в психологии. Наукоедческий анализ. М.: ИП РАН, 2012. С. 158-177.
4. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. № 3. С. 5-16.
5. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Теория и практика: взгляды с разных сторон (ответ на комментарии) // Психологический журнал. 2012. № 2. С. 127-132.
6. Карицкий И.Н. Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М.: Челябинск: Социум, 2002.
7. Карицкий И.Н. Системогенез психологической практики // Вестник университета (Государственный университет управления). 2011. № 22. С. 36-39.
8. Мазиллов В.А. К.Д. Ушинский как создатель парадигмы практической психологии: непонятый проект // Образовательная панорама. Ярославская область: пространство образовательных возможностей: Научно-методический журнал. 2014. № 1. С. 48-60.
9. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль, 2017. 419 с.
10. Мазиллов В.А. Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы // Психологический журнал. 2015. № 3. С. 87-96.

11. Мазиллов В.А. Разработка практической психологии: непонятый и неоцененный проект К. Д. Ушинского // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 3. С. 191-199.
12. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998. 356 с.
13. Мазиллов В.А. Человек непростой судьбы: Виктор Васильевич Карпов // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 2. С. 105-112.
14. Мазиллов В.А., Костригин А.А. Филатов Василий Степанович: данные библиографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 4. С. 63-69.
15. Мазиллов В.А., Костригин А.А. Филатов Василий Степанович: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. №4. С. 20-34.
16. Мурашов Г.А. Из истории Ярославской психологии // Психологический пульс Ярославля / Под ред. В.В.Новикова. Москва; Ярославль: МАПН, 1998. С. 21-47.
17. Приказ «О переподготовке практических психологов для учебно-воспитательных учреждений». URL: // <https://megaobuchalka.ru/1/5528.html>
18. Современная психология: Справочное руководство. М.: Инфра-М, 1999.
19. Тихомиров О.К. Понятия и принципы общей психологии. М.: МГУ, 1992.
20. Филатов В.С. Учение Ушинского о воле и ее воспитании // Ученые записки. Педагогика и психология. Ярославль: ЯГПИ, 1948. Вып. 13(23). С. 75-101.
21. Холл К.С., Линдсей Г. Теории личности. М., 1997. 720 с.
22. Цветков И.М. Воспитание трудолюбия у детей (по Ушинскому) // Ученые записки. Педагогика и психология. Ярославль: ЯГПИ, 1948. Вып. 13(23). С. 105-129.
23. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М.: Логос, 2006.
24. Шадриков В.Д. Психологическая характеристика нормального человека, или познай самого себя. М.: Университетская книга; Логос, 2009. 208 с.
25. Шадриков В.Д., Мазиллов В.А. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. 411 с.
26. Эткинд А.М. Психология практическая и академическая: расхождение когнитивных структур внутри профессионального сознания // Вопросы психологии. 1987. № 6. С. 20-30.
27. Юревич А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3-11.
28. Mazilov V.A. About Methodology of Russian Psychology of Today // Psychological Pulse of modern Russia. M. Yaroslavl: IAPS, 1997. P. 126-135.

References:

1. Vasilyuk F.E. Metodologicheskii smysl psikhologicheskogo skhizisa // Voprosy psikhologii. 1996. № 6. S. 25-40.
2. Vzaimootnosheniya issledovatel'skoi i prakticheskoi psikhologii / Pod red. A.L. Zhuravleva, A.V. Yurevicha. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2015. 558 s.
3. Zhuravlev A.L., Ushakov D.V. Teoretiko-eksperimental'naya i prakticheskaya psikhologiya: dve raznye paradigmy? // Paradigmy v psikhologii. Naukovedcheskii analiz. M.: IP RAN, 2012. S. 158-177.
4. Zhuravlev A.L., Ushakov D.V. Fundamental'naya psikhologiya i praktika: problemy i tendentsii vzaimodeistviya // Psikhologicheskii zhurnal. 2011. № 3. S. 5-16.
5. Zhuravlev A.L., Ushakov D.V. Teoriya i praktika: vzglyady s raznykh storon (otvet na kommentarii) // Psikhologicheskii zhurnal. 2012. № 2. S. 127-132.
6. Karitskii I.N. Teoretiko-metodologicheskoe issledovanie sotsial'no-psikhologicheskikh praktik. M.: Chelyabinsk: Sotsium, 2002.
7. Karitskii I.N. Sistemogenez psikhologicheskoi praktiki // Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). 2011. № 22. S. 36-39.
8. Mazilov V.A. K.D. Ushinskii kak sozdatel' paradigmy prakticheskoi psikhologii: neponyatyi proekt // Obrazovatel'naya panorama. Yaroslavskaya oblast': prostranstvo obrazovatel'nykh vozmozhnostei: Nauchno-metodicheskii zhurnal. 2014. № 1. S. 48-60.
9. Mazilov V.A. Metodologiya psikhologicheskoi nauki: istoriya i sovremennost'. Yaroslavl', 2017. 419 c.
10. Mazilov V.A. Psikhologiya akademicheskaya i prakticheskaya: Aktual'noe sosushchestvovanie i perspektivy // Psikhologicheskii zhurnal. 2015. № 3. S. 87-96.
11. Mazilov V.A. Razrabotka prakticheskoi psikhologii: neponyatyi i neotsenennyi proekt K. D. Ushinskogo // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2014. № 3. S. 191-199.
12. Mazilov V.A. Teoriya i metod v psikhologii. Yaroslavl': MAPN, 1998. 356 s.
13. Mazilov V.A. Chelovek neprstoi sud'by: Viktor Vasil'evich Karpov // Istoriya rossiiskoi psikhologii v litsakh: Daidzhest. 2017. № 2. S. 105-112.
14. Mazilov V.A., Kostigin A.A. Filatov Vasilii Stepanovich: dannye bibliografii #1 // Istoriya rossiiskoi psikhologii v litsakh: Daidzhest. 2016. № 4. S. 63-69.
15. Mazilov V.A., Kostigin A.A. Filatov Vasilii Stepanovich: dannye biografii #1 // Istoriya rossiiskoi psikhologii v litsakh: Daidzhest. 2016. №4. S. 20-34.

16. Murashov G.A. Iz istorii Yaroslavskoi psikhologii // Psikhologicheskii pul's Yaroslavlya / Pod red. V.V.Novikova. Moskva; Yaroslavl': MAPN, 1998. S. 21-47.
17. Prikaz «O perepodgotovke prakticheskikh psikhologov dlya uchebno-vospitatel'nykh uchrezhdenii». URL: // <https://megaobuchalka.ru/1/5528.html>
18. Sovremennaya psikhologiya: Spravochnoe rukovodstvo. M.: Infra-M, 1999.
19. Tikhomirov O.K. Ponyatiya i printsipy obshchei psikhologii. M.: MGU, 1992.
20. Filatov V.S. Uchenie Ushinskogo o vole i ee vospitanii // Uchenye zapiski. Pedagogika i psikhologiya. Yaroslavl': YaGPI, 1948. Vyp. 13(23). S. 75-101.
21. Kholl K.S., Lindsei G. Teorii lichnosti. M., 1997. 720 s.
22. Tsvetkov I.M. Vospitanie trudolyubiya u detei (po Ushinskomu) // Uchenye zapiski. Pedagogika i psikhologiya. Yaroslavl': YaGPI, 1948. Vyp. 13(23). S. 105-129.
23. Shadrikov V.D. Mir vnutrennei zhizni cheloveka. M.: Logos, 2006.
24. Shadrikov V.D. Psikhologicheskaya kharakteristika normal'nogo cheloveka, ili poznai samogo sebya. M.: Universitetskaya kniga; Logos, 2009. 208 s.
25. Shadrikov V.D., Mazilov V.A. Obshchaya psikhologiya. Uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. M.: Yurait, 2015. 411 s.
26. Etkind A.M. Psikhologiya prakticheskaya i akademicheskaya: raskhozhdenie kognitivnykh struktur vnutri professional'nogo soznaniya // Voprosy psikhologii. 1987. № 6. S. 20-30.
27. Yurevich A.V. Sistemnyi krizis psikhologii // Voprosy psikhologii. 1999. № 2. S. 3-11.
28. Mazilov V.A. About Methodology of Russian Psychology of Today // Psychological Pulse of modern Russia. M. Yaroslavl: IAPS, 1997. P. 126-135.

Сведения об авторе:

Мазилов Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, академик Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Интеграция и междисциплинарность психологического знания: кейс феноменологии

Тимощук Елена Андреевна

Владимирский филиал Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия

e-mail: e@timos.elcom.ru

Аннотация. В статье психология рассматривается интеграционная стратегия феноменологии. Она выступает в виде психотехники и методологии, междисциплинарного моста и дескриптивной карты.

Ключевые слова: Теодор Липпс, Эдмунд Гуссерль, дескриптивная психология, феноменология.

Integration and interdisciplinarity of psychological knowledge: the case of phenomenology

Timoshchuk Elena Andreevna

Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Russia

e-mail: e@timos.elcom.ru

Abstract. The psychology is considered in the paper as the integration strategy of phenomenology. It acts as a psychotechnique and methodology, an interdisciplinary bridge and a descriptive map.

Keywords: Theodore Lipps, Edmund Husserl, descriptive psychology, phenomenology.

Немецкий философ и психолог Теодор Липпс (1851-1914), основавший Мюнхенский психологический институт в 1895 г., известен как автор нескольких оригинальных идей в гуманитарном познании: 1) фундаментом философских наук выступает психология, 2) учение о прекрасном (эстетика) есть не что иное, как психологическая теория эмпатии, 3) феноменология – это описательная психология [6].

Взаимодействие Эдмунда Гуссерля (1859-1938), создателя феноменологии и Теодора Липпса проходило достаточно плотно: они обменивались идеями, а ученики Липпса посещали семинары Гуссерля [4]

Гуссерль полагал, что философские домены, такие как логика, этика, эстетика, а также математика – суть онтологически самостоятельны и не зависят от психологии. Несмотря на это различие, близкая связь психологии и феноменологии являются их атрибутом в силу исследования феномена сознания. Разграничение объективного и психологического, то, чему Гуссерль уделил столько внимания, сегодня представляется слишком техничным и абстрактным. В то время как общие вопросы феноменологии и психологии, – конституитивность, интенциональность, интерсубъективность, габитуальность, – вызывают живой интерес и являются весьма продуктивными.

Именно типизация явлений психологической жизни позволила Э. Гуссерлю и его предшественнику Францу Brentano (1838-1917) заложить основы феноменологии. Типизация – обобщение другого, схематическая репрезентация объектов в свернутом виде; создание опорных точек определенности для последующего разворачивания социокультурного объекта.

Сам термин *φαίνόμενον* – «являющееся», был известен еще по работам Платона, который использовал его для противопоставления явления и сущности вещи. Р. Декарт четко и ясно сформулировал проблематику феноменологии в виде методологически строгого исследования *res cogitans* или мыслящего бытия. И. Фихте принадлежит изобретение интерсубъективности, исключительно важного концепта для социальной феноменологии. Свои проекты феноменологии предложили два всемирно известных германских мыслителя – Иммануил и Георг Фридрих Гегель. Первый противопоставил два мира, мир непознанных вещей в своей закрытой объективности и феноменальный мир «вещей-для-нас». Гегель не разделяет такого агностицизма. Исходя из того, что вещь может быть познана в многообразии своих манифестаций, Гегель в «Феноменология духа» раскрывает эволюцию форм сознания в своем движении к абсолютной идее.

Гуссерль приходит с третьим проектом феноменологии. Он вкладывает в нее иной смысл, раскрывая ее как «дескриптивный, философский метод, на основе которого в конце прошлого столетия была создана: 1) априорная психологическая наука, способная обеспечить единственно надежную основу, на которой может быть построена строгая эмпирическая психология, 2) универсальная философия, которая может снабдить нас инструментарием для систематического пересмотра всех наук» [2, с. 12].

Гуссерль выступает с критикой позитивистских наук и стремится создать некую экзистенциальную тотальность смыслов бытия, существующих в причинно-следственном и пространственно-временном мире. Трансцендентальная феноменология (дескриптивная психология) становится проектом идеальной науки, которая фиксирует тонкую грань между субъективным и объективным в виде intersubjectивного и выводит априорную самоочевидность вместо фактичности в качестве критерия истинности. При этом эмпиричность не ставится под сомнение, оставаясь дальним недостижимым маяком. Аподиктичность трансцендентного становится самой притягательной и проблемной точкой развития феноменологии после Гуссерля. Именно поэтому этот автор столь востребован и, одновременно, непонятен. Если психология работает с сознанием через воспроизводимые практики, то феноменология – это философия, которая стремится преодолеть спекулятивность, но не имеет для этого инструментов, кроме созерцательной установки.

Интенциональность Гуссерля оказалась весьма продуктивной для анализа общественного сознания и модусов репрезентации социокультурных объектов в исследованиях его ученика Романа Ингардена (1893-1970). Если Гуссерля часто воспринимают как «рационализированную неосхоластику», то Ингарден предложил ясное толкование феноменологии как теории социокультурного бытия. Р. Ингарден берет психологический терминологический аппарат Гуссерля и применяет его к анализу общества, что потом реализуют в развитой социологической теории Альфред Шюц (1899-1959) и его ученик Т. Лукман (1927-2016) вместе с соавтором Питером Бергером (1929-2017).

Опираясь на такие категории, как анонимность, серийность, типизация, институализация, опредмечивание (объективация) они продемонстрировали, каким образом социальные миры конструируются при помощи символических систем религии, философии, науки, искусства; как континуум обезличенных действий образует ткань событий.

Трактат Питера Бергера и Томаса Лукмана «Социальное конструирование реальности» (The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York, 1966) остается одним из самых влиятельных и авторитетных текстов в современной социологии. Они являют пример того, как психология может быть объективирована в социальном знании.

Жизненный мир по П. Бергеру, – это *finite province of meaning*, убежище смыслов, пристанище повседневности. Это пространство, где есть место пониманию и подвигу для своих. Повседневность получает высокий статус благодаря включенности индивида в этот мир и способности переходить от

одной повседневности к другой. Интенциональность подобна фонарю, освещающему разные аспекты реальности, подручные в настоящий момент для индивида. Своя повседневность признается нормальной, не нарушающей пределов здравого смысла. И те, кто разделяют этот жизненный мир, получают особый статус. В то время как иные, молчаливое большинство, погруженное в свою повседневность, маркируется как нейтральное. А те, кто покушается на стабильность жизненного мира, оцениваются как враги.

Актуализация Другого возвращает нас к концепции конкретизации Ингардена, который на примере художественного произведения показал, что это не только совокупность сказанного, но и сумма минус стратегий, остающихся за кадром, но подразумеваемых. Так и в социальной жизни, огромное количество процессов происходит за спиной субъекта и для того, чтобы столкнуться с ними его интенциональность должна включиться. Без интереса к иной повседневности, интенциональность остается в сумерках. В этом контексте ученый-гуманист – это тот, кто стремится свести горизонты повседневности в более широкую панораму, сделать из множества разрозненных индивидуальных набросков обобщенную социальную конструкцию.

Гуссерлевская идея трансцендентального сознания оказалась очень продуктивной. Бергер продолжил нас убеждать, что реальность и знание, особенно общественные знания, не совпадают. Человек порождает социальный мир и становится его же заложником, что хорошо прослеживается на примере социальных сетей.

Что общего между нападавшими на учащихся в Колумбайн (Колорадо) Стерлитамаке, Перми, Улан-Удэ? Медиатизация событий через социальные сети. Виктимность современных юных преступников заключается в зависимости от медиа, которые побуждают подражать злу, сделать его публичным. Жизнь в потребительском обществе имеет свои требования к выживанию, по-своему жесткие, как и правила кочевников или первобытных охотников. Это требование нравственной и интеллектуальной адекватности. Человечество создало комфортные условия жизни, однако для самосохранения в сложном, рискогенном, технократическом обществе нужна устойчивая психика.

Значение конструирования заключается в выделении себе подобных из социального субстрата и создание своего языка коммуникации для решения общих задач. Типизация создает объединяющую платформу для коллективного понимания и продвижения в создании своего практичного и удобного жизненного мира.

Политико-правовые порядки суть символические и политическая борьба – это борьба за сохранение способа конструирования социальных структур, контроль над медиатизацией реальности и легитимизации отдельных участков социальной памяти. Гуманитарной науке остается только наблюдать, как формируются горизонты конструируемой реальности

Бергер декодирует структуры жизненного мира, проясняет роль коммуникативных процессов и спонтанных связей в генерации общественного порядка. Жизнь общества – это сплав объективных количественных экономических запросов и субъективных качественных интеллектуальных ответов творческой элиты. Тип конструируемой реальности зависит от количества народонаселения. На каждом этапе развития общества – аграрном, индустриальном, постиндустриальном, создаются такие изобретения и теории, которые позволяют энергии массы людей поднять общество на новый уровень цивилизации и культуры. Те конструкты, которые имели смысл в Средние века, утрачивают свою значимость в Новое время. Конструирование социальной реальности имеет, поэтому, гуманистическое значение. Конечно, некоторые конструкты, такие как национал-социализм, большевизм, расизм и т.п. не могут быть признаны устойчивыми и перспективными для человечества

Великие ученые, изобретатели, представители литературы, искусства, генерирующие революционные идеи, создающие новые теории, совершают прорыв в науке, технике и в других областях интеллектуальной деятельности человека. Именно данный ими огромный толчок к прогрессу во всех областях жизни, определяет при соединении с энергией всей массы людей уровень цивилизации и гуманизации общества.

Знание – это убежденность в валидности и действенности тех или иных интенциональных конструкций. Когда-то колдовство считалось знанием, сегодня фьючерсные сделки считаются знанием. Социальная реальность неизбежно содержит элементы веры и убежденности, в том, что используемые здесь и сейчас порядки символических значений функциональны, действенны и плодоносны.

Жизненный мир – это допредикативная реальность, т.е. она не выражается через логические отношения $S - P$, она отрефлексированная и воспринимаемая как данность. Достоверность жизненного мира не ставится под сомнение, пока внешние обстоятельства не проблематизируют его. Внутри естественной установки жизненного мира существуют вместе физические объекты, мифологические герои, ценности, слухи, установки, а также методы различения между набором объектов разной природы.

Хабитуализация (рутинизация у Вебера), типизация – процедуры обустройства интерсубъективных умweltов. Социальные сети как медиа осуществляют хабитуализацию виктимности, потребления, иррациональности происшедшего.

Обустройство жизненного мира – это его согласование, настройка, негоциация с другими жизненными мирами. Проблематизация жизненного мира – это естественный процесс ощущения неудовлетворенности своей экзистенциальной оболочкой, что происходит на стыках с другими мирами, а также во время прохождения через акме своего развития.

Воспроизводство общества на новом этапе развития, его сборка и становится для индивидов жизненным проектом. Интернализация жизненных миров родителей происходит при первичной социализации, при вторичной расширяется зона контактов с множеством чужих умweltов.

Экстериоризация – созидание из интенциональных объектов учреждений, институтов. Это не просто оформленные юридические лица, а исторические интенциональные умweltы. Так, каждое государство – это целый мифопоэтический жизненный мир со своей мечтой. До тех пор, пока в нем есть творческая сила генерировать достижимую рациональную утопию, живо и государство. Чем больше масштаб жизненного мира мифа, тем больше государство. В XX веке противостояние шло между капиталистическим мифом США и социалистическими утопиями СССР. Сегодня идет обновление мифологем демократии и рынка. Китай генерирует гибридный проект традиции и новации. Так идеология становится легитимацией символического порядка. Социокультурная модель идеологии интерпретирует политические процессы как означивание индивидуального жизненного мира внутри институциональных механизмов.

Социальный порядок есть интерсубъективный продукт множества живущих и ушедших поколений, создавших не только материальную основу жизнедеятельности, но и нравственность, ценности, право, науки и искусства. Социальная реальность – это множество набросков, проектов, которые симультанно пестуют миллионы людей. За этими проектами стоят вековые социокультурные контексты, сущность которым мы не всегда осознаем в процессе связывания нового социокультурного бутстрапа. Особенность современного символического освоения социальных конструктов заключается в том, что Зона ответственности переносится на самого получателя. Анонимность – признак типа передачи знаний и социального опыта технократической эпохи.

Вторая область, где Бергер плодотворно развил феноменологические идеи – это психология религии и такие социальные эпифеномены верований

как секуляризация, институционализация религии, нетрадиционная религиозность, светская культура как инобытие христианства. Модернизация автоматически означает уменьшение влияние религиозных институтов. Что происходит со священной завесой?

Хотя трансцендентный план бытия как значимая реальность отсутствует или далек от горизонтов повседневной жизни для доминирующего количества граждан, не испытывающих никакого дискомфорта от этого, несмотря на эту уничтожительную для религии констатацию, П. Бергер снова и снова доносил до внимания своей аудитории, что будет ошибкой утверждать, что трансцендентные сигналы потеряли значимость для всех людей.

В «Священной завесе» (Sacred canopy) он проводит мысль, что без этого сапору социальная жизнь была бы невозможна, будь-то кочевая юрта, буддийский тент, индуистская чатра, авраамический шатер, византийский павильон или купол хай-тек церкви. Общество само ткёт этот священный балдахин и через его узоры осмысливает мир.

Ревизия дофеноменологического отношения заключается в признании иррационального, мистического, религиозного в качестве одних из агентов и операторов смысла, поддерживающих стабильность определенных жизненных миров. Внимательное отношение ко всем идеям отличает феноменологию как учение, изучающее роль индивидуального и коллективного сознания в развитии. Общество – это совместный проект наиболее сильных идей, однако его актуализация не закончилась и в какой-то момент может иметь точка сборки самых неожиданных проектов и мечтаний. Важно отметить, что в проекции социального участвуют самые «незначительные» представления и смыслы.

Ведущий отечественный философ В.А. Кутырев так оценивает значение феноменологии сегодня: «Сейчас феноменология востребована как никогда и более актуальна, чем любое другое направление в истории мысли. Это высшая форма трансцендентализма, адекватная порыву человечества из предметной реальности «вверх», в невесомость, где мир не вес(щ)ит, к виртуальному, иному. Только в таком контексте можно понять ее подлинное значение» [5, с. 133].

Трансцендентализм феноменологии явно проступает в проекте гештальт-психологии (М. Вертхаймер, В. Келер), которая рассматривает внутренние конфликты как тупики самосознания и для их преодоления учит пациента кооперации с другими фрагментами своей жизни, является посредником между синергетикой и феноменологией. С другой стороны, известно, что и феноменология и теория гештальтов являются разновидностью

трансцендентализма. Философские предпосылки последней сформировались под влиянием феноменологических идей об интенциональности сознания, целостности и непосредственности восприятия.

Гештальт – это образно-смысловой кластер, состоящий из множества элементов, каждый из которых обладает собственной значимостью и репрезентативностью. Допустим, это образ леса, состоящего из множества подсистем. В процессе восприятия могут быть актуализированы (конкретизированы) разные качества гештальта: лес целиком, отдельное дерево в контексте леса, мох под деревом, птица на ветке и т.д. Важным свойством, объединяющим теорию гештальтов и синергетику является то, что существенные свойства объекта нельзя понять путем суммирования свойств их частей, т.к. само образование имеет особые гештальт-качества не сводимые к совокупности частей. Теорию гештальтов разработал австрийский психолог Х. Фон Эренфельс, ученик Ф. Brentano, одного из предтеч феноменологии. Ж. Деррида указывает на понятийный изоморфизм двух направлений: «Слияние гештальтпсихологии и феноменологии было легко предсказуемо. Причем не тогда, когда Гуссерль должен был, как дает понять М. Мерло-Понти («Феноменология восприятия», р. 62, п. 1), «подхватить» в «Krisis» «понятие “конфигурации” и даже Gestalt'a», а напротив, потому что Гуссерль с самого начала полагал, на первый взгляд, небезосновательно, что предоставил в распоряжение Gestaltpsychologie собственные понятия, в частности, понятие «мотивации» (ср. «Ideen I », § 47, р. 157, прим. авт. и «Картезианские размышления», § 37), которое появилось уже в Логических исследованиях, и понятие организованной целостности, унифицированного многообразия, возникающее еще в «Philosophie der Arithmetik» (1887–1891)» [3, с. 210]. Известно также, что Э. Гуссерль стремился преодолеть узость структурализма гештальт психологии и сама феноменология родилась как способ генетического исследования состояний сознания, однако здесь феноменология лишь ближе становится к синергетике, которая больше интересуется эволюцией систем, нежели их морфологией.

Сложные психические явления в гештальт-психологии объясняются таким же образом, как и параметры порядка, задающие новое развитие системе в синергетике: параметр-аттрактор подавляет другие возможные варианты узнавания гештальта. В случае, если есть конфликтующие гештальты, за каждым из них закрепляется параметр, однако как только один пресыщается, другой отпадает (допустим, на картине соединены элементы пожилой и молодой женщины, испытуемый видит только одну, не замечая второй), т.е. процесс восприятия не является пассивным, он подобен конструированию (как

и абстрактное мышление), но вместо понятия, суждения, умозаключения, используются иные гештальт-средства, презентативные символы, качества, формы, структуры. При этом мы не осознаем, как происходит конкретизация «точки сборки» объекта, конвергенция восприятия (опыты стереоскопа, голографии, иллюзии перспективы, непропорциональность явленного размера удаляющегося объекта его отпечатку на сетчатке).

Оценивая значение психологии для гуманитарной парадигмы, можно отметить, во-первых, ее влияние на создание эмпирического базиса познания личности. Как Декарт и Фихте, Гуссерль не может очистить феномены от эмпирических наслоений, однако он стирает границы между метафизикой и психологией. Во-вторых, психологический подход помог феноменологии, стать ключом к раскрытию восточных психотехник, философии Веданты и йоги, раскрыть их универсальное социокультурное значение. Третье достижение психологии состоит в продвижении особой социокультурной терминологии феноменологии: конкретизация, жизненный мир, конститутивность, интенциональность, интерсубъективность, габитуальность, типизация.

И, наконец, инспирированная психологией, феноменология создает терминологический аппарат описания генезиса заблуждений. Исследование aberrаций ведет свою историю от разделения алетей и докса в античности, развивается в духовных традициях Запада и Востока (гьяна и майя, престиж как обман), продолжается в идолах Ф. Бэкона и детализируется в психологии (стереотипы, шаблоны, схематизм, редукция, обобщения). Психоанализ связал появление разных комплексов с негативным детским опытом (насилие, игнорирование эмоциональных потребностей, наблюдение аморального поведения близких). Холотропная психология, нейрофизиология генетических энграмм, вслед за индуизмом и буддизмом, указывают на возможность переноса психофизиологических импульсов (самсары, скандхи), трансляции родовой памяти как устойчивых иллюзорных комплексов и установок. Феноменология обращается к психологической процедуре редукции для самопознания человека и открытия чистого сознания.

Список литературы:

1. Вайда Д.М. Феноменология и литературоведение // Теории, школы, концепции (критические анализы). Художественное произведение и личность: отв. ред. Ю.А. Боров. М.: Наука, 1975. С. 5–10.

2. Гуссерль Э. Феноменология (статья в Британской энциклопедии) // Логос. 1991. № 1. С. 12-21.
3. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб: Акад.проект, 2000. 430 с.
4. Куренной В.А. К вопросу о возникновении феноменологического движения // Логос. 1999. № 11-12. С. 156-182.
5. Кутырев В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб: Алетейя, 2018. 527 с/
6. Salice A. The Phenomenology of the Munich and Göttingen Circles // Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. Edward N. Zalta. Publication date, 3 Aug 2015. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/phenomenology-mg/>

References:

1. Vaida D.M. Fenomenologiya i literaturovedenie // Teorii, shkoly, kontseptsii (kriticheskie analizy). Khudozhestvennoe proizvedenie i lichnost': otv. red. Yu.A. Borev. M.: Nauka, 1975. S. 5–10.
2. Gusserl' E. Fenomenologiya (stat'ya v Britanskoi entsiklopedii) // Logos. 1991. № 1. S. 12-21.
3. Derrida Zh. Pis'mo i razlichie. SPb: Akad.proekt, 2000. 430 s.
4. Kurennoi V.A. K voprosu o vzniknovenii fenomenologicheskogo dvizheniya // Logos. 1999. № 11-12. S. 156-182.
5. Kutyrev V.A. Cova Minervy vyletaet v sumerki (Izbrannye filosofskie teksty KhKhI veka). SPb: Aleteiya, 2018. 527 с/
6. Salice A. The Phenomenology of the Munich and Göttingen Circles // Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. Edward N. Zalta. Publication date, 3 Aug 2015. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/phenomenology-mg/>

Сведения об авторе:

Тимощук Елена Андреевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО Владимирский филиал Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (Владимир, Россия)

Междисциплинарность психологического знания: история и современность

Психология персонажей Ф. Достоевского как пограничное бытие субъекта в ситуации социальной «принужденности»

Лазаренко Любовь Витальевна

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Россия

e-mail: lazarenko.kashtan@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка интерпретации проблемы психологизма Ф. Достоевского. Психология персонажа рассматривается в русле идей, намеченных М. Бахтиным и В. Бенямином. Автор предполагает, что психология героев Достоевского – это динамические состояния, возникающие в процессе борьбы между социально-нормативными аспектами Я персонажа. Трагедия героев Достоевского – несовпадение субъективно переживаемого как свободный выбор и объективно существующего как скрытое принуждение.

Ключевые слова: Достоевский, психологизм, субъект психологического переживания, социальное принуждение.

The psychology of the characters of F. Dostoevsky as a borderline being of a subject in the situation of social “compulsion”

Lazarenko Lyubov Vitalyevna

Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Russia

e-mail: lazarenko.kashtan@yandex.ru

Abstract. The article attempts to interpret some aspects of problems of F. Dostoevsky’s psychologism. The psychologism of the character is considered in the line with the ideas by M. Bakhtin and V. Benyamin. The author suggests that psychology of the characters of Dostoevsky is a dynamic state arising in the process of the struggle between socially normative aspects of the character’s self. The tragedy of the heroes of Dostoevsky is the discrepancy between the subjectively experienced as a free choice and objectively existing as a hidden coercion.

Keywords: Dostoevsky, psychologism, subject of psychological experience, social coercion.

Несмотря на очевидную детальность, скрупулезность в описании состояний, переживаемых персонажами Ф. Достоевского, на словно нависающую над читателем, почти грозную массу того, что в литературоведческом обиходе принято называть психологией литературного героя (условность терминологического сочетания «психология персонажа» или «психология литературного героя» сейчас не комментируются), критика часто рассматривает прозу писателя как идеологическое, в первую очередь, образование.

Предметом исследования в статье становится именно этот, казалось бы, немислимый, объективно неспособный привести к появлению произведений настолько глубоких, литературно-художественный консонанс идеологического и психологического. Основная гипотеза, которую предполагается рассмотреть состоит в следующем: изображение индивидуума в прозе Достоевского подчинено задачам драматизации социальной идеи, выводимой в личном мире персонажа либо как скрытый принцип, детерминирующий его «действие» на страницах романа, либо как декларация, исходя из которой читатель вполне может объяснить его поступки и удовлетвориться этим, однако есть еще конструирование персонажа как действующего лица, обладающего значительной степенью внутренней свободы, индивидуальностью самосознания и психологической сингулярностью. Это отношение индивидуально-личностного, субъектного и идеологически детерминированного, открывающего в субъекте поступка объект действия социальных сил, будет рассмотрено как аспект построения сюжета, создающий почву для сложных психологических экзерсисов писателя.

Нарративное условие, при котором подобное становится возможным, было обнаружено и исследовано М. Бахтиным: жанровая модель полифонического романа, открывающая дорогу диалогу дискурсов, производимых множеством неравноправных инстанций, обладающих равноправием голосов.

Интересно, что М. Бахтин, полагавший, безусловно, верным «определение постановки идеи» как предмета изображения, данное Б.М. Энгельгардтом [1, с. 33], указывал на то, что предметом изображения каждая отдельная идея является только для отдельного персонажа, однако изображается в первую очередь все-таки человек: «Его героем был человек, и изображал он в конце концов не идею в человеке, а, говоря его собственными словами, – «человека в человеке». Идея же была для него или пробным камнем для испытания человека в человеке, или формой его обнаружения, или, наконец, – и это главное – тем *medium*'ом, той средою, в которой раскрывается

человеческое сознание в своей глубочайшей сущности» [1, с. 40] По сути, Бахтин колеблется перед выбором между двумя возможными достоверностями: *предмет изображения – идея и предмет изображения – человек*. При этом идея понимается как конструкт, содержание которого в той или иной форме, но всегда достаточно отчетливо выговаривается в тексте. Сомнение Михаил Бахтин разрешил в некотором роде диалектически: противоречие снималось в гипотезе об особо организованной форме: живом и непосредственном диалоге персонажей, каждый из которых выражал некоторую, как будто «собственную» идею; вопрос, таким образом, был перенесен в другую область – область полемизирующих дискурсов, представляемых субъектами речи. Проблема субъекта психологического отходила на задний план, однако не исчезала совсем. Внутри полифонического романа, герои которого реализовывали себя преимущественно в речи, начинали вырисовываться контуры фигуры Другого. А так как под идеей обычно понимается некоторое представление, установка, всегда адресованные кому-либо и всегда предполагающие особым образом маркированное содержание, уже это выводило на авансцену социально детерминированного или, как минимум, на определенных условиях включенного с социальными отношениями субъекта.

К этой социальной обусловленности «неслиянных» сознаний персонажей Достоевского Бахтин подходит с осторожностью: «Каждое переживание, каждая мысль героя внутренне-диалогичны, полемически окрашены, полны противоборства, или, наоборот, открыты чужому наитию, во всяком случае не сосредоточены просто на своем предмете, но сопровождаются вечной оглядкой на другого человека. Можно сказать, что *Достоевский в художественной форме дает как бы социологию сознаний ...*» [1, с. 41] (курсив мой).

Более выразительно и уже гораздо более «монологически» описывает психологическое содержание социально-идеологического персонажа Достоевского В. Беньямин (статья «“Идиот” Достоевского»): «В нем национальная личность, человек родной страны, индивидуальная и социальная личность по-детски слеплены вместе, а покрывающая их отвратительная корка психологически осязаемого дополняет этот манекен» [2, с. 22]. Коллаж, создаваемый Беньямином, призван продемонстрировать разнородность идеологических конструктов (национальный тип, социальный тип, личностно-психологическое начало), которые кладутся в основу образа персонажа и сцепляются в нем искусственно, создавая «манекен». Далее Беньямин замечает: «<...> психология персонажей Достоевского – совсем не то, из чего автор действительно исходит. Она всего лишь что-то вроде нежной оболочки, в которой из огненной протоплазмы национального возникает в ходе

преображения чисто человеческое. Психология – лишь выражение для пограничного бытия человека» [2, с. 22]. И здесь речь уже не идет о манекене, психология не нивелируется (попытку уйти от классических интерпретаций персонажа как субъекта психологического мы наблюдали и у Бахтина «Мы видим, не кто он есть, а как он осознает себя...»), речь идет о «нежной оболочке» психологии, в которой из внеличного возникает личностное. В этом смысле психологическое содержание – это содержание заведомо пограничное, флуктуирующее в разломе между схематическим социально-идеологическим и личностным – преобразующим началом, дискурсивно обрабатывающим и аффективно переживающим данное извне. И в этом смысле персонаж Достоевского есть и модель рождения психологического из социально-идеологического и момент этого рождения. Вероятно, отсюда такая чувственная мощь переживаемого героями Достоевского и сила ее воздействия на читателя.

Мир героев Достоевского и социологичен, и идеологичен, и психологичен одновременно (здесь и далее идея понимается не только как выговариваемое героем, принимающее форму суждения в рамках некоторой идеологической модели, но и как реконструируемое невыговоренное, определяющее ситуацию персонажа). Но его личностно-психологический образ возникает только тогда, когда происходит соприкосновение социально-идеологического с некоторым иным внутренним. В этом плане Другой – это не только внешнее по отношению в персонажу в его действительном или воображаемом мире, Другой – это и не всегда дифференцированное содержание его Я, часто неуверенно опознаваемое как чужое.

Изображаемое психическое предстает как разные формы конфликта между субъектом переживания, рефлексии и этим неустановленным Другим, собственно сам психологический субъект Достоевского есть этот конфликт, эта драма борьбы. Здесь и бунт против иного, чужого, неопознанность которого делает его (бунт) иррациональным, истерически бесконтрольным, нецелесообразным, как попытка безумца содрать собственную кожу. Здесь и тревога перед угрозой исключения, социального отвержения, и ее снятие в акте саморазоблачения. Н.К. Михайловский, сочувствуя героям Достоевского, назвал «беспричинным и бесцельным мучительством» то, как повествователь выстраивает их судьбы. Однако именно то, что натуралистически было воспринято критиком как мучительство, становится примером разыгрывания драмы исчезающего психологического субъекта как субъекта выбора и поступка и появления субъекта подчинения – Я, начинающего осознавать свою

производность от социального, и тревожно пытающегося нащупать свои новые границы.

Не все персонажи вступают в такие – конфликтные – отношения с иным внутри себя, часть героев переживает ситуацию своего бытия не рефлексивно, избегая не мотивированных внешними причинами аффектов, оставаясь в поле очевидного, но и в этом лагере чувствуется какое-то смутное тревожное ощущение, нуждающееся в объяснении.

Обратимся к роману «Идиот». Великолепная сцена дня рождения Настасьи Филипповны. Рассмотрим несколько моментов, иллюстрирующих высказанные предположения. Пачка денег («сто тысяч ходячими деньгами») брошена в огонь Настасьей Филипповной. И хотя В.Б. Шкловский пишет, что персонажи Достоевского «<...> робко и неудачно пренебрегают деньгами», потому что растоптанные или брошенные в огонь деньги всегда остаются целы. [6, с. 476], пожалуй, неверно ответственность за это относить на счет персонажа. Тогда, когда данное правило действует, за этим стоит история, которую конструирует повествователь, спасающий купюры своей властью над дискурсом. Настасья Филипповна, действительно бросает деньги в огонь, предлагая Гане достать их голыми руками, для него здесь испытание, но никакого расчета на то, что они как-нибудь да вернутся к ней здесь нет. Это конечный жест, исходящий из природы и логики образа. Небольшое отступление повествователя о роскоши, которую Настасья Филипповна «даже любила», но «никак не поддавалась ей», несмотря на некоторое внутреннее противоречие, вполне демонстрирует эту борьбу между принимаемым богатством и готовностью от него отказаться. Сам смысл глагола «не поддавалась» - уже из поля значений конфликта, завершающего свое развитие в данной сцене. Адресат этого жеста не только толпа, замороженно или с ужасом взирающая на охваченный огнем сверток, адресат этого действия – нечто внутри самой Настасьи Филипповны. Именно у этой стороны своей сущности она сейчас предполагает выиграть войну, это инкорпорированное социальное с его безусловно принимаемой ценностью денег как экономической основы социальных отношений, как причины и следствия даже самих жизни и смерти. Однако война, объявленная Настасьей Филипповной, ведется не только против социальной нормы, но и социальной нормой, только иного плана. По сути, психологическая «фактура» героини – и есть эта битва: между правилом и правилом, между разными нормативно-этическими порядками: этикой богатства, денег как одного из столпов социального бытия и этикой духа, примата духовного над материальным. Тема денег звучит часто и абсолютно не нейтрально, она всегда связана с преступлением либо против морали, либо

против морали и права: это и история Фердыщенко об украденных им трех рублях, и обещанные семьдесят пять тысяч, и отказ от предложения князя, который, как выяснилось, стал богатым наследником, и случай из криминальной хроники. Обобщенно и осуждающе звучит изнутри идеологического дискурса, этически маркирующего деньги как моральное зло: «Ведь теперь их всех такая жажда обуяла, так их разнимает на деньги, что они словно одурели» [3, с. 137].

Над поверхностью этого столкновения идеологий все энергичнее начинает флуктуировать субъект психологического. Все, обычно называемые психологическими, детали, засвидетельствованные нарратором, подчеркивают нехарактерность поведения Настасьи Филипповны, обычно ее званые вечера бывали «чинными»: «В странных же, иногда очень резких и быстрых выходках Настасьи Филипповны, которая тоже взяла вина и объявила, что сегодня вечером выпьет три бокала, в ее истерическом и беспредметном смехе, перемежающемся вдруг с молчаливою и даже угрюмою задумчивостью, трудно было и понять что-нибудь» [3, с. 119]. Такова Настасья Филипповна в ожидании кульминации, а затем развязки, к которой исступление усиливается, истерический хохот сменяется слезами и наоборот.

Неожиданное известие о наследстве, полученном князем, и его предложение – субверсивные события сюжета. Однако они не могут остановить борьбу с «мерзостью», так с отвращением говорит Настасья Филипповна о «рогожинской» пачке денег, потому что борьба эта только кажется обусловленной свободным выбором героини. Бунт, подготовленный и рассчитанный, продолжается. Фантасмагория аффекта, экзальтация, неожиданность поступка, и речь – то спонтанная, то сценически выверенная – все служит цели нанести болезненный удар по норме, правилу, принятому обществом как данность и ставшему частью социального бытия и системы ценностей каждого из присутствующих. Независимо от того, объясняем ли мы это действием ресентимента или нет, именно здесь с полнотой объективируется в романном целом психологическое содержание, проявляющее себя наиболее отчетливо в бунте, в протесте в моменте разрыва с тем, что мыслится как социально приемлемое, приличное, нормативное, в моменте разрыва с дисциплинарно-контролирующей функцией социума. Однако трагедия героини в том, что бунт заведомо обречен, он не способен выполнить главную задачу – задачу освобождения. В широком смысле, это бунт против «социальной принужденности», осуществляемый средствами самой «социальной принужденности». Понятие принужденности в статье используется в противоположность понятию свободы, в значениях, которые придавал им

Спиноза: «Та вещь называется свободной, которая существует по одной только необходимости своей природы и определяется к деятельности только сама собой; необходимая же или, лучше, принужденная вещь та, которая определяется к существованию и деятельности другими по известному и определенному способу» [5, с. 4]. Если предположить, что воспринимаемая в процессе самоосознания индивидуальность, локальность *Я*, если это *Я* свободно, должна «определяться к деятельности только сама собой», то *Я* несвободное (большая часть положений этого типа не противоречат классическому психоанализу), определяется «к деятельности» другими. Все, изображаемые в наибольшем напряжении внутренней жизни, персонажи Достоевского пытаются переконструировать свое *Я* тем или иным способом в тщетных попытках обрести возможность существовать «по одной только необходимости своей природы».

Личность персонажа Достоевского вообще проявляет себя наиболее ярко в ситуации разрыва, скандала, которыми чревато исключение из социального тела, потеря связи с социальностью, проявляющей себя как традиция, норма, ритуал. При этом не существенно, что именно провоцирует разрыв, и является ли он действительным или вымышленным.

Читатель наблюдает, как персонажи исключают себя, изгоняют, разрушают, «овнешняя» свое мнимое или истинное преступление, делая его очевидным, выставив напоказ, они создают условия, в которых внутренний голос социального, наконец, объективируется, становится Другим, словно прорвавшись из-под истончившейся оболочки психологического, освободив *Я* от своей бесконечной подрывной работы, от вечно осуждающего взгляда изнутри, от властного голоса, требующего наказания для отступника, покусившегося на многочисленные нормы: от моральной общечеловеческой до локальной бытовой. Воплотившись, наконец, во внешней карающей инстанции, этот глас социального на время освобождает *Я* персонажа: в поисках этого освобождения Раскольников сначала идет на убийство, а потом признается в нем; Рогожин убивает Настасью Филипповну; и исповедуются, бесконечно исповедуются герои Достоевского в обычно бесплодной попытке изгнать влияние общественной установки, власть инкорпорированного Другого, сила и модальность которого соответствуют представлению о нем, существующему в воображении героя, и той идеологии, носителем которой он является.

Исповедь становится способом объективации воображаемого Другого через перенос его функции на слушающего или читающего. Наконец разрушительные, требующие возмездия голоса, осуждение, ненависть, гадливость извлечены изнутри *Я* и перенесены на слушателя, не всегда даже

включенного в структуры повествования (откровения «подпольного человека» «выслушивает» / читает эксплицитный читатель). Вспомним, как это происходит с героями «Униженных и оскорбленных» в сцене встречи князя Валковского и Ивана Петровича: «Помню, еще у одной пастушки был муж, красивый молодой мужичок. Я его больно наказал и в солдаты хотел отдать (прошлые проказы, мой поэт!), да и не отдал в солдаты. Умер он у меня в больнице...» – откровенничает князь и, обнаруживая ожидаемую реакцию, комментирует: «Вам отвратительно слушать? Возмущает ваши благородные чувства? <...> Я уверен, что вы меня называете в эту минуту грешником, может быть, даже подлецом, чудовищем разврата и порока» [4, с. 361]. Эта реакция, дополненная в соответствии с представлением Валковского о моральной норме и «естественных» формах реагирования на ее нарушение, и есть причина, по которой рассказанная история существует.

То или иное знаково повторяющееся поведение главных героев романов Достоевского всегда указывает на точки максимального натяжения в полотне отношения индивидуального и общественного, на возможность разлада между ними. Вспомним, как в уже упомянутой сцене дня рождения Настасьи Филипповны генерал Епанчин, скорее с надеждой, чем с тревогой, неоднократно предполагает сумасшествие героини, так как только безумие может быть «уважительной» причиной, которая побуждает ее не просто проигнорировать, а откровенно отбросить одно правило за другим. Эта демонстрация, этот бунт вызывает страх: в ситуации, когда норма уже не кажется абсолютной, мир утрачивает свою предсказуемость, а версия с безумием возвращает в мир порядок, так как только безумный имеет некоторое, хотя и весьма ограниченное право находиться за пределами нормы.

Список литературы:

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 2. Проблемы творчества Достоевского, 1929. Статья о Л. Толстом, 1929. Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922-1927 / Под ред. С.Г. Бочарова, Л.С. Мелиховой. М.: Русские словари, 2000. 799 с.
2. Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе / Пер. с нем. и франц.; Сост., предисл. и примеч. А. Белобратова. СПб.: «Симпозиум», 2004. 480 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и

- др.]. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973. Т. 8. Идиот: Роман / текст подгот. И. А. Битюгова, Н. Н. Соломина. 511 с.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.]. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1972. Т. 3. Село Степанчиково и его обитатели. Униженные и оскорбленные / текст подгот. А. В. Архипова, И. З. Серман, Н. Н. Соломина, И. М. Юдина. 543 с.
5. Спиноза Б. Этика. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. 336 с.
6. Шкловский В. За и против. Заметки о Достоевском. М.: Советский писатель, 1957. 259 с.

References:

1. Bakhtin M.M. Sbranie sochinenii. T. 2. Problemy tvorchestva Dostoevskogo, 1929. Stat'ya o L. Tolstom, 1929. Zapisi kursa lektsii po istorii russkoi literatury, 1922-1927 / Pod red. S.G. Bocharova, L.S. Melikhovoi. M.: Russkie slovari, 2000. 799 s.
2. Ben'yamin V. Maski vremeni. Esse o kul'ture i literature / Per. s nem. i frants.; Sost., preisl. i primech. A. Belobratova. SPb.: «Simpozium», 2004. 480 s.
3. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. / AN SSSR, Institut russkoi literatury (Pushkinskii dom); [redkol.: V.G. Bazanov (otv. red.) i dr.]. L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1973. T. 8. Idiot: Roman / tekst podgot. I. A. Bityugova, N. N. Solomina. 511 s.
4. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. / AN SSSR, Institut russkoi literatury (Pushkinskii dom); [redkol.: V.G. Bazanov (otv. red.) i dr.]. L. : Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1972. T. 3. Selo Stepanchikovo i ego obitateli. Unizhennye i oskorblennye / tekst podgot. A. V. Arkhipova, I. Z. Serman, N. N. Solomina, I. M. Yudina. 543 s.
5. Spinoza B. Etika. Mн.: Kharvest, M.: АСТ, 2001. 336 с.
6. Shklovskii V. Za i protiv. Zаметки о Dostoevskom. M.: Sovetskii pisatel', 1957. 259 s.

Сведения об авторе:

Лазаренко Любовь Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Москва, Россия)

Психологическая антропология в литературных произведениях писателей XX в.

Харланова Юлия Викторовна

*Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого,
Россия*

e-mail: psytu@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию межпредметных связей психологии и литературы. Автор выделяет в итоге несколько точек соприкосновения между этими науками, и описывает более подробно их на основе психологизма идей Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: психология, литература, междисциплинарные связи, психологическая антропология, нравственные качества личности, совесть.

Psychological anthropology in writers' literature of the 20th century

Kharlanova Yulia Viktorovna

Tula state pedagogical university named after L.N. Tolstoy, Russia

e-mail: psytu@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the description of interdisciplinary connections of psychology and literature. As a result, the author identifies several points of contact between these sciences and describes them in more detail on the basis of the psychology of ideas of Tolstoy and Dostoyevsky.

Keywords: psychology, literature, interdisciplinary connections, psychological anthropology, moral qualities of person, conscience.

Психология в системе наук, связанных с человеком, является связующим звеном, областью, объединяющей различные разделы естественнонаучной сферы и общественных наук в новом, целостном знании о человеке. Отечественный психолог XX в. Б.Ф. Ломов отмечал, что одна из главных особенностей психологии состоит в том, что она является центром, ядром всех наук, объектом изучения которых является человек.

Существует более 30 определений понятию «междисциплинарные связи». Оно является отчасти педагогическим и описывается с позиции учета его в учебно-образовательном процессе и основанное на синтезирующих, интегративных отношениях между объектами, явлениями и процессами реальной действительности, нашедших свое отражение в содержании наук.

В современных условиях развития науки психология приобретает все более разнородный и масштабный характер. Так, например, множится количество ее отраслей, которые в свою очередь начинают дробиться на множество подразделов. Психологическая антропология возникла на базе психологии народов, как часть социальной психологии и на данный момент не является полностью оформившейся в отдельный раздел.

Исторически сам термин «психологическая антропология» появился в 50-х гг. XX в. в США и был связан с выделением особенностей функционирования личности в условиях конкретной этнической общности. Данное понятие сформировалось на базе известной в научных кругах работы Рут Бенедикт «Модели культуры» (1934) и некоторых работ Маргарет Мид.

На наш взгляд, психологизм литературных произведений является одним из точек соприкосновения психологии и литературы. Очевидно, что психологические идеи в работах литераторов можно отнести к элементам житейской психологии, которая имеет следующие отличия от научного подхода:

1) житейские знания конкретны, связаны с конкретными ситуациями, в то время как научные стремятся к обобщению и нахождению общих закономерностей, то есть имеются отличия в степени обобщения знаний и форм их представления;

2) житейские знания в отличие от научного подхода носят интуитивный характер, субъективны, фрагментарны; другими словами, отличаются способы получения знаний и степень их субъективности;

3) научная психология использует данные житейской, в частности: а) базируется на житейском психологическом опыте, б) выводит из него свои направления исследования, в) на завершающем этапе им проверяется. Таким образом, отличаются способы передачи знаний.

В литературе большое количество произведений связано с формированием характера человека и, в частности, со становлением нравственных качеств. Одной из установленных нравственных основ духовного мира человека является совесть. Т. Карлейль определил ее, как самое существо всех действительных душ, великих и малых.

Но понятие совесть трудно определять теоретически, это чувство всегда возникает как данная человеку реальность. Совесть так прочно вошло в жизнь людей, что оставило свой след в устной речи, в русских народных пословицах: «В ком стыд, в том и совесть», «Добрая совесть злему ненавистна», «Как ни мудри, а совесть не перемудришь» [3, с. 290].

Поэтому понятие совесть присутствует не только в религиозно-философских и психологических работах (В.С. Соловьев «Оправдание добра», И.А. Ильин «Путь духовного обновления», Ф. Кейр «Характеры и нравственное воспитание»), оно не остается без внимания в литературном творчестве.

Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, В.В. Розанова можно относить не только к писателям, но и к философам-психологам, поднимающим нравственное развитие человеческой души.

«...Достоевский и Толстой, – писал М. Горький, – каждый по-своему показали с полнотою, совершенно исчерпывающей, душу русского народа...» [1, т. 24, с. 250]. В.Г. Белинский писал о том, что история является отличным критиком, и очевидно, что этот «критик» очень точно определил влияние Толстого и Достоевского на развитие различных сторон общественной жизни России XX в.

Философия и психология всегда интересовала Ф.М. Достоевского. Особенности его художественного творчества вычленяют, как правило, основные философские и психологические проблемы, а точнее проблему. Писателя интересовала единственно важная проблема, тема, которой он посвящал все свое творчество. Это человек и его судьба. Человек для него не является существом природного мира, он стоит в стороне от него и приближен к высшей силе.

«Человек есть тайна, – писал Федор Михайлович Достоевский, – ее надо разгадывать и если будешь разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [2, т. 28, кн. 1, с. 63].

Психологическая антропология Ф.М. Достоевского основывается на том, что человеческая душа в высшей степени подвижна, а ее центр находится в огненном движении. Тишина и покой, неподвижность могут существовать лишь в верхнем, поверхностном пласте внутреннего мира человека. У Ф.М. Достоевского противоборство божественного и дьявольского начал, яркое столкновение света и тьмы происходит в самой глубине человеческого бытия. Добро и зло сражаются в самой глубине человеческих душ.

Что касается совести, то у Ф.М. Достоевского она, хотя и идет из самых темных глубин человеческой души все же является чем-то «объективным», не зависящие от воли и желания человека.

Понятие совесть в русской классической литературе коренным образом отличается от позитивистских трактовок о нем как об эфемерном, бессильном и бесполезном явлении. У Ф.М. Достоевского суть житейской психологии стоит в нерасторжимом союзе совести и «натуры», в которой первая и находит основную поддержку и опору.

«Зеркало натура, зеркало-с, самое прозрачное-с! Смотри в него и любуйся...», - писал в своем произведении Достоевский [4, с. 206].

Натура в представлении писателя является истинной противницей остроумнейших и наихитрейших интеллектуальных внутренних игр преступника с самим собой. Она первична, серьезна и ни в кое мере не приемлет зла и лжи, которые пытается предложить ей заболевший, помрачившийся совестью интеллект.

Человек, в котором дух болен, в том числе преисполненный сильной гордыней, может считать себя вне человеческого закона, стоящим намного выше обычной житейской истины «обыкновенных людей». Но натура не согласна подчиниться этой ложной идее, и пытается проявить себя, по аналогии с бессознательным, стремящимся вырваться наружу по З. Фрейду. Физиология, не подвластная интеллекту человеку, починается натуре, так преступник может, например, бледнеть, падать в обморок и выдавать себя другими способами.

Кроме Ф.М. Достоевского в отечественную литературу большой вклад внес Л.Н. Толстой, чей художественный опыт затрагивал описание процессов, бродивших в массах, раскрывал положение личности в среде, выявлял внутренние связи эпических движений и столкновений эпохи.

Для Л.Н. Толстой всегда и в жизни, и в творчестве лидирующая роль принадлежала внутреннему миру человека. Писателя интересовали многие этические проблемы психологии.

Именно по этим проблемам Л.Н. Толстым был создан необычный труд под названием «Круг чтения», в котором он собрал избранные и систематизированные по каждому дню цитаты многих писателей о жизни, истине и поведении, а так же добавил и свои собственные мысли.

Взгляды Л.Н. Толстого на понятие совесть, представленные в этой работе, можно обобщить и собрать в виде тезисов:

1) «Совесть есть сознание божественного начала, живущего в нас. И только тогда, когда она есть такое сознание, она – верный руководитель жизни людей» [4, т. 1, с. 330].

2) «Нельзя бороться с требованиями совести – это требования Бога, и потому лучше сразу покориться им» [4, т. 2, с. 121].

3) «Берегись всего того, что не одобряется твоей совестью» [4, т. 1, с. 331].

4) «Указания совести безошибочны, когда они требуют от нас не утверждения своей животной личности, а жертвы ею» [4, т. 2, с. 26].

5) «Голос совести всегда можно отличить от всех других душевных побуждений тем, что он требует всегда чего-то бесполезного, неосязаемого, но прекрасного и достижимого одним нашим усилием» [4, т. 2, с. 27].

Исходя из описанных фактов, можно сделать вывод, что психология имеет непосредственную связь с литературой. С одной стороны, психологи, описывая какие-либо психологические явления, могли прибегать к литературному языку, особенно это было распространено на рубеже XIX и XX вв. А так же они черпали идеи из литературных описаний писателей внутренних переживаний и терзаний героев. Писательский труд так же предполагает наличие знаний о психологии человека с учетом его этнической принадлежности. В этом плане можно найти много идей психологическая антропология в литературе.

На рубеже XIX и XX вв. немецкий ученый В. Дильтей подчеркивал, что психология не должна отделяться от философии и переходить в чисто естественнонаучную область. Он отвергал традиционную метафизику и предлагал свои идеи описательной психологии, опубликовав их в 1894 г. Переживание, как центральное понятие теории, находит свое проявление в литературных произведениях. Выдержки из работ Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского подтверждают важность для писателей внутренних человеческих изменений и терзаний, связанных со становлением нравственных качеств личности.

Список литературы:

1. Горький М. Собр. соч. в 30 томах. М.: Гослитиздат, 1953.
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Наука, 1970.
3. Русские народные загадки, пословицы, поговорки. М., Просвещение, 1990.
4. Толстой Л.Н. Круг чтения. В 2 томах. М.: Политиздат, 1991.

References:

1. Gor'kii M. Sobr. soch. v 30 tomakh. M.: Goslitizdat, 1953.
2. Dostoevskii F.M. Prestuplenie i nakazanie. M.: Nauka, 1970.
3. Russkie narodnye zagadki, poslovitsy, pogovorki. M., Prosveshchenie, 1990.
4. Tolstoi L.N. Krug chteniya. V 2 tomakh. M.: Politizdat, 1991.

Сведения об авторе:

Харланова Юлия Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Тула, Россия)

Электронный научный журнал
История российской психологии в лицах: Дайджест

2018

№ 6

55 с.

2,9 п.л.

ISSN 2415-7953